

Это был последний день лета. В воздухе грустно пахло тополистыми листьями, которые вот-вот готовы сорваться с деревьев, или уже падают, или давно лежат на асфальте, растёртые колёсами и подошвами ног. Так, солнцем и листьями, пахло десять, нет, даже больше лет подряд — накануне очередного учебного года. Школьного и институтского. Печальный запах безвозвратно тающей свободы...

Тополистыми листьями пахло и здесь, на большом усадебном участке. Хотя тополей тут не было — а всяких других красивых деревьев, кустов и цветов росло в изобилии. Может быть, все увядающие листья пахнут одинаково? Или это просто память у меня такая?

Я моталась по дорожкам и вдоль забора. Недалеко, в просторной беседке, за столом бодро колбасилась шумная компания. Праздновали день рождения хозяина этого притона — в смысле, конечно, главы одной славной семьи, где меня любили и часто принимали.

За столом было весело, очень весело — и почему не веселиться хорошим людям в тёплый погожий день? Сначала я, конечно же, тоже сидела там. И хоть раньше меня из-за пьяного стола было клещами не вытащить, сегодня что-то как-то не покатило. Наверно. Так что я тихонько из-за стола срулила.

И вот теперь гуляла вдоль заборов. Мне было совсем немножко грустно и как-то бессмысленно, что ли. Вроде как и не из-за чего. А в то же время — из-за всего. Если вспомнить ужасную статистику, которую для придания бодрости клеркам рассылает периодически неведомый сетевой гуманист благотворительным спамом по электронной почте, то, конечно же, сразу становилось ясно, что у меня всё предельно замечательно. Ведь если я пробудилась утром, ощущая себя в большей мере здоровой, чем больной, это означает, что Судьба благоволит мне намного больше, чем миллиону человек, которых не будет в живых уже на этой неделе.

Как там дальше? А! «Если вы никогда не испытывали чувства опасности, которому подвергается человек на поле боя, если вам незнакомо чувство одиночества, какое испытывает узник в тюремной камере, или вы не знаете, что такое агония пыток или муки голода, то вы счастливчик: вам повезло больше, чем каждому из 500 миллионов других людей в мире. (Неужели правда — ежедневно 500 миллионов человек на нашей планете опасно воюют, сидят в одиночных камерах, подвергаются пыткам? Или их — небольшой процент, а основную массу этой зловещей цифры составляют всё-таки голодающие? Да не может быть, чтобы столько народу голодало, — но ведь раз пишут, надо верить?..) Если у вас есть еда в холодильнике и одежда на теле, есть крыша над головой и место, где вы можете поспать, то вы без всякого сомнения несравненно богаче, нежели 75 процентов людей в этом мире. Если у вас лежат деньги в банке и что-то есть в кошельке, то не сомневайтесь: вы принадлежите к тем 8 процентам населения Земли, которые находятся на вершине иерархической лестницы богатства. А если вы сумели прочитать всё это, то вы — баловень Судьбы в большей мере, нежели два миллиарда людей на этой планете, которые не умеют читать совсем...»

Ну так что ж — читать я умею. И ценить свои преимущества стараюсь. Но как же всё-таки много мне не хватает для счастья!..

Я — это взрослая девушка тридцати четырёх лет, одинокая, неуверенная в себе и стабильно во вред себе же нелогичная. Умная я или глупая, красивая или нет — сказать сложно. Я до сих пор в оценках не определилась.

Жить мне с таким набором трудно. Но жить хочется. Так в чём вопрос?

Я много училась, но сказать, чтобы это как-то отразилось на качественности моего образа, не могу. Знания. Да... Должна же быть от них какая-то польза? Да и что я, собственно, знаю? Так вот навскидку и ничего в голову не приходит. Ну, скажем, когда-то были декабристы. Много. Я помню, в декабре какого года и где они восстали, зачем. Чем у них кончилось, помню уже хуже. Пятерых повесили, причём два раза. Кто-то из них сказал, что у нас даже повесить как следует не могут. Бестужев-Рюмин, Муравьёв-Апостол, Каховский, Раевский, нет, Рылеев, кажется. Да, точно. И ещё один. Или кто-то из них всё-таки лишний. Так вот этих повесили, а остальных в Сибирь, в Сибирь... За ними жёны. За кем чья поехала — это мимо. Помню, Трубецкая была. Жена ли она Трубецкого и был ли среди них такой — не могу утверждать, чтобы не облажаться. Но вот за это, кстати, мне не стыдно. Я знаю, где и как можно быстро найти информацию. В этом мой большой плюс.

Если сильно напрячься, я могу вспомнить что-нибудь наизусть на старославянском языке. И даже составить предложение на древнерусском. Если напрячься, да. Только вот зачем — ведь никто особо не поймёт. А если и поймёт, то обязательно ошибку какую-нибудь обнаружит. На фиг надо.

Фамилии романтиков «Озёрной школы» я если и перечислю, то с трудом и кряхтением. А это неромантично.

Как относиться к неоплатонизму и ницшеанству — не знаю.

Могу вспомнить даже что-то из планиметрии — учила ведь когда-то, старалась. Вспомню. Но зачем?

Нужны ли мои знания, пригодятся ли они мне в жизни? Если сейчас я бедна (по сравнению даже со «средним классом» российского разлива), грустна и одинока, но живу себе вроде. И ничего. А завтра все начнут умирать от конца света. И какие знания тогда пригодятся? Может, то, как надо правильно вырыть норку и там жить? А может, пора озадачиться и выучить правильные ответы на вопросы тестов, которые будут задавать у ворот в загробную жизнь?

Я хлопаю в ладоши и ловлю моль на лету почти всегда с первой попытки. Вдруг это мне очень пригодится? Зачем-то ведь я это умею...

Всё происходит совсем не так, как мне хочется. И ни разу не было, чтобы по моему хотению. Нельзя назвать моё существование большой удачей — несмотря на крышу над головой и отсутствие пыток. Ну и что, это выигрыш? Почему надо равняться на гипотетических страдальцев, а не на реально успешных людей? И что мне делать — неуспешной?

Может быть, где-то уже набирают войско из проигравших жизнь? На каком-нибудь полу-том свете? Там, наверно, долго обучают в лагерях и учебных боях, а затем устраивают смотр, некоторых демобилизовывают и отправляют доигрывать свою гражданскую жизнь. Если есть такое место, может, мне туда отправиться? Я оттуда сильная вернусь. А вдруг меня там оставят и даже в звании повысят? Тогда вперёд, на войну! Э, нет. С кем мы воевать-то там будем? С людьми, в борьбе с житейскими трудностями выигравшими себе счастье? Но ведь они тогда и у нас выиграют, раз такие мощные. К тому же наверняка у них имеются резервно-заданные полки из тех, кто ещё бьётся за себя на простом белом свете. И полки эти многочисленные. Так что отменяется война. Не хочу отбивать чужое счастье.

Надо думать.

Думать, что делать. Хотя — и так всю жизнь думаю. Толку-то...

Ложась спать, я боюсь свешивать руку с кровати. Мне кажется, что в темноте за неё схватится маленькая, холодная и сморщенная лапка Того, Кто Живёт Под Кроватью. Я знаю, что его, наверно, на самом деле нет. Но всё равно боюсь — и сама удивляюсь причудам своего сознания...

Мне хочется, хочется быть успешной в общечеловеческом плане. А что это значит? Да замуж — что уж тут ходить вокруг да около! Я знаю, знаю, знаю, что, когда женщина счастлива как женщина, у неё и с карьерой всё получается. Бывает, конечно, и счастье вопреки, но в основном... Замужем быть хорошо — в смысле, когда всё честно, удачно и, главное, счастливо. Для меня это мерило ценности: если женщина имеет набор положительных качеств, которые привлекли мужчину настолько, что он женился на ней, с ней живёт, считая жизнь свою удавшейся, заводит детей и планирует эту совместную жизнь продолжать, значит, эта женщина — состоявшийся человек. Да точно так же и мужчина. Если жена с ним счастлива, если муж не вызывает у неё желания бежать от него на край света, то всё в порядке. Про карьеру и речи нет — потому что ведь, как правило, если человек не совсем дурак, она как-то складывается. И приносит доход — раз жена не бежит.

Ну а если не срослось у человека в личной жизни, если никто не возжелал его так сильно, значит, не судьба виновата. А что-то с ним не то. С ней. С одинокой женщиной. Такой вот хотя бы. Как я.

Да, можно с определённостью сказать, что я лузер — лузер в женском смысле. И можно также подумать, что я зациклена на том, чтобы выйти замуж, — и что других мыслей, кроме как об этом, у меня в голове нет. Наверное, кошёлка, у которой все мысли только о мужиках, — это нимфоманка. Мои измышления прощ, но, наверное, из-за этого и более зловещи — я думаю о том,

что «замуж надо»... За кого? За кого-нибудь хорошего, чтобы всё было хорошо. Вот и всё. Хорошо, чтобы хорошо... Но если замуж — то только по любви. По той самой — по настоящей.

Так что нет — ничего я не зациклена. А если и зациклена, то на чём тогда? На своих несчастьях и страданиях? Это может быть. Хотя нет, нет, вряд ли...

Но ведь любовь — это так здорово! Почему у меня её нет? Я даже не зануда и не истеричка. Вот как раз такую женщину (в смысле истеричку или зануду, а ещё лучше и то и другое в одном флаконе) я бы только врагу пожелала. Если бы у меня был какой-нибудь мужчина-враг. Вот ему.

Нет, я нормальная. Можно подумать, что я невероятно требовательная и разборчивая, как все пересидевшие невесты. Нет! Вот и походи пойми, что мне требуется. То самое «хорошее», да и всё. Кто его знает, может, потому, что оно у меня не сформулировано в конкретный образ, его и нету?.. Но вдруг ничего формулировать на самом деле и, наоборот, не надо? А что надо — само как-то появится?..

Ну вот как такое может быть? Только с нашим счастьем. Дорожки везде ровные, ходишь по ним совершенно расслабленно и не ждёшь никакого подвоха. И тут бац — какой-то бугор. Не сильно, но неожиданно, а потому обидно я споткнулась. Так, на какую ногу — на левую или на правую? Блин, кажется, на обе.

Всё это усилило мой мысленный пессимизм. Бытовая реальность вообще бодрит в самый нужный момент... Да, я уже немолода, и лучшие годы для нахождения достойного партнёра по жизни упустила. Почему-то верилось, что любовь — это чудо и оно возникнет нерукотворно. Обязательно возникнет! Надо только быть хорошей, ждать, верить. Чтобы в какой-то там прекрасный момент — раз! И вот оно!!! Время шло в стойкой и смутной

надежде на возникновение этого самого счастья... Верилось-верилось — и доверилось до того, что уже тридцать четыре, а всё никак. И хоть бы меня это не тяготило — одна и одна, пусть бы мне было бы от этого хорошо! А то ведь плохо! Одиноко, пусто и глупо.

Все попытки это изменить кончаются или ничем, или страданиями.

А просто так, для «отношений», без этой самой любви, я не могу с мужчинами общаться. И даже не получается себя заставить. Наоборот: у меня разыгрывается вредность. Так что в отношениях без любви я партнёр никудышный. Нечего даже рыпаться. Да последнее время уже никто особо взять меня в партнёры по отношениям и не пытается. И это тоже обидно! А если и пытается — то как-то так скучно и обыденно, что лучше и не надо.

К сожалению, прошли те времена, когда я нравилась молодым людям. Молодым — адекватным моему возрасту. Каждая девушка чувствует направленные на неё заинтересованные взгляды. Раньше были, сейчас нету. Но что поделать — Онегин, я ж тогда моложе, я лучше, кажется, была. Вот и интерес вызывала...

Не могу, не могу смириться с тем, что ко мне может всё ещё быть активен лишь интерес пожилых сатиров, которые таким образом пытаются догнать свою давно слинявшую молодость! Но это, конечно, не любовь. Да и не могу я с ними — мне смешно и стыдно. Нет, лучше никаких не надо!!!

Отсюда что следует? Что если я не люблю — ладно. Но ведь не любят и меня. Значит, раз меня не любят, то, выходит, любить не за что. У мужчин ведь другие мозги — и тому сотни примеров. Любят же они дур, стерв, подлых обманщиц и тому подобное. А за что? За какое-то странное «что-то», чего лишена я? Совсем лишена, выходит? Видела, сама видела: романы со стервозами и подлейшими бабенциями закручивались на моих же глазах, причём у весьма симпатичных и приличных парней. Как?! Чем-то они их

привлекали. Чем? И почему не могу привлечь я?.. Почему эти парни не выбрали меня? Потому что я не была активна? Не послала им нужных «флюидов»? Не кокетничала и не проявляла эту самую пресловутую «женскую мудрость»? Правильно — и не кокетничала, и не проявляла, и тупила, и тормозила. Вот и получила.

Да, на самом деле — тяга к резко отрицательным женщинам у мужчин очень сильна. Что в этом случае мне (если я знаю эту тенденцию) мешает быть такой? Зачем я всегда стремилась к созданию положительного образа, думая, что моё хорошее поведение и незапятнанную репутацию обязательно оценят? Глупость моя и недалёковидность — вот, скорее всего, что мешает. Или дурная надежда на то, что добро побеждает зло? Но ведь даже если обратиться к сказкам, патентованному кладезю народной мудрости и концентрату жизни, то что мы видим: некий добрый малый влюбляется не на жизнь, а на смерть в злобную царскую дочку (или же в любой другой хорошо обеспеченный вариант) — и начинает ради неё совершать всякие подвиги, попутно шлифуя её гадкий характер и создавая из дерьма конфетку. Зачем? Не только же ради царского приданого молодой герой так парится? Нет — сама эта коза ему чем-то понравилась! Неужели это всё — показатель необыкновенной мужской прозорливости? Что они умеют замечать бриллиант среди колючих терний. А те дамочки, которые пушистые, белые, яркие, но всё-таки фианиты, а не бриллианты, их обмануть своим искусственным блеском не могут? Не хочется в это верить. И фианитом быть тоже... А ведь есть, если вот так подумать, множество женщин-бижу, которые всю жизнь даже не пытаются бриллиантовость имитировать, а гордо блещут своей неэсклюзивной сущностью, живут себе счастливо. И мужчины мадам-бижу счастливы при них. А я, а я?..

Вот ведь блин. Блин ведь вот... Кусанием локтей — вот чем осталось заниматься. Локтей собственных. Других поблизости и нету.

Может показаться, что я какая-то бедняжка. Нет — я успешная

женщина. У меня работа отличная — да! И прекрасные подруги. Они меня любят и ценят. Как и в каждой женской истории, с подругами у меня связано очень многое. И хорошо, что у нас всё хорошо. Хотя мы знаем, что любая из нас прекрасно проживёт без остальных. Но дружим. Так уж сложилось. Это у одной из них сейчас, у Жени, мы отмечаем день рождения её мужа в их загородном доме.

Славно тут у них — живи и радуйся. Места много, до Москвы почти восемьдесят километров, но это такая ерунда по сравнению с бонусами, которые даёт природа и относительное одиночество. Дом немножко на отшибе — это здорово! И не только на отшибе — на бугре, с которого открывается восхитительный, уморасширяющий вид на пронзительно-прекрасную даль. Мне выделяют комнату на самом верху, и её балкон висит, кажется, отдельно от всего дома. И будто бы летит, правда, летит над землёй. Ничего, кроме далёких лесов, широкой луговой поймы и неба, с него не видно!

...Я сделала ещё один круг по территории и вновь оказалась возле беседки. Веселье продолжалось. Вкусно пахло шашлыками — пора, значит, подбираться к раздаче.

Народ преувеличенно бодро — ну прямо как будто все едят мясо, зажаренное на улице, первый раз в жизни! — крутится возле мангала. По давней привычке оглядываю мужчин. Хоть я их всех ещё с начала торжества рассмотрела, говорю же — уже по привычке: а вдруг?! Наверное, это стало болезнью: каждого мужчину, который заговорит со мной, я в самую первую же секунду молниеносно в голове «обдумываю», типа: «Неужели это он — мой будущий муж?» Интересно, лечиться надо — или уже поздно? Так и не знаю ответа на этот вопрос.

Из сегодняшних гостей даже вот так вот «обдумать» некого. Впрочем, как и обычно: или все мужчины заняты (с жёнами или подругами, от которых их переманивать нечестно и даже опасно),

или... Или бедняжка-страдалец, не понятый по жизни ни одной злодейкой-женщиной... Мне нельзя, нельзя ни в коем случае даже начинать слушать их рассказы о муках, обидчиках и проблемах. Я начинаю сочувствовать и... И расчищаю место у себя на голове, приглашая: садись и свешивай ножки! Ну хоть это я наконец-то поняла. И стараюсь обходить. Я в этом смысле — молодец.

В общем, кавалеров нет. Подруги — одна замужняя и одна «в вечном поиске», которой завидуют все: и счастливые жёны, и одиночки, рассмотрев гостей категории «М», разводят руками, соглашаясь со мной. Да, снова никого... И только третья подруга, хозяйка дома, смотрит хитровато. Может, знает, что кто-то ещё приедет?..

Кстати, есть ещё охранники и водители. Их, между прочим, много. В основном высокие, спортивные и симпатичные. Но...

Проблема даже не в том, что они некий «второй сорт» или что им нельзя заниматься личной жизнью на работе. Всё можно, как показывает сама же эта жизнь. Но, опять же «но»...

Могу, конечно, в целях подтверждения утверждения продемонстрировать это «но». Собрав на себя внимание подружек, улыбаюсь охраннику.

Охранник воротит нос — а почему? А потому, что понимает: я — не барыня. Барыни приезжают со своими барынями, они ведь, эти охранники, всегда в курсе жизни господ. Так что уважения, такого, как, например, вечно свободная женщина Анжелка, я у них вызвать не могу. *Такие* мужчины вместе с ней прикатывают, что любому чужому охраннику понятно: раз столь серьёзные перцы этой женщиной интересуются, она — высший класс. Анжелка, бывает, приезжает одна. Я тоже. Но она иногда одна, а я всегда. Может, это их настораживает? Или то, что у меня машины до сих пор нет и начать учиться ездить на ней я не сподобилась. Ну что же — купить машину, беспрестанно думать о ней, её внутренне-

стях и их проблемах, сходить с ума на московских улицах — и всё это ради того, чтобы водителям Женьки и её друзей понравиться? Поздно. Они меня уже знают. Всё равно не понравлюсь.

Конечно, никто из них мне не хамит, но на этом и всё.

Да, часто у этих же водителей-охранников крыша съезжает от дамочек типа Анжелки, физиология которых кажется простой и незамысловатой. Ребятки горят глазами, бегут со всех ног, куда им скажут, преданно провожают взглядами, слушаются, даже пытаются играть командира жизни и решать что-то в планировании времени и судьбы своей партнёрши. Что, конечно же, им никогда не удаётся. Ведь такие, как Анжелка, — великие умняшки. Они понимают много и правильно. А потому знают, кого можно просто использовать, а с кем иметь что-то серьёзное.

За то, что охранники никогда не обращают внимания на меня, я, наверно, так цинично о них и отзываюсь. Но думаю про них и правда именно так. Мне обидно, что они меня не замечают, так что когда их какая-нибудь «Анжелка» кинет — это значит, им за невнимание ко мне отомстили. Шучу, шучу... Я знаю одно. Мужчину надо за что-то полюбить. За поступок. За яркое и славное качество характера, которое он вдруг проявит. А где же он его может проявить? Тут, за столом? Или когда мы выйдем за забор пройтись-размяться? Петарды когда начнём какие-нибудь пускать? Нас вдруг накроет стеной огня — а этот самый «он» всех спасёт?.. Или вдруг восстанут против людей шары в бильярдной, пойдут на нас в атаку — а тут он, мой герой, покажет им кузькину мать?

Что мы только не делали с семьями и друзьями моих подруг! Катались на катерах, сноубордах, горных лыжах, равнинных и водных, пили, ели, танцевали. К обычной радости и игре адреналина по венам и кишкам (или он до кишок не добирается?) всегда примешивалась дурацкая призрачная надежда. Кто её теперь знает, надежда на что: на встречу, на случайно-неслучайный

взгляд, на то, что вот сейчас, за поворотом, за хлопком двери или ударом часов кто-то появится. А с ним — именно моя радость, моя любовь, мой смысл жизни.

Нет, всё... это я уже отставила — всё-всё-всё, смысл жизни ищу в работе и ежедневных мелких удовольствиях! Я старательный ученик, я пытаюсь. Я не только о жёлтой обезьяне не думаю, стараюсь не думать вообще. И конечно же, не загадывать. Потому что как загадаю — так никогда не получается...

Я ною? Всё мне не так? Пёс меня знает...

Но вообще-то я вру. Жизнь продолжается. Просто это у кого-то что-то зависло. Хоть бы меня женщины, что ли, привлекали. С ними, может, быстрее всё наладилось бы. Так ведь нет — не привлекают, заразы.

Всё-таки можно, можно подумать, что я только поиском мужиков озабочена. Но правда — это неправда! Хорошо сказала...

Сиди вот теперь, обижайся, что всё никак.

Я и сижу. В смысле схватила шашлык и хожу в сторонке. Пить подружкам со мной, я думаю, всё менее интересно. Раньше я была веселейшая собутельница. Подруги параллельно создавали личное счастье, а я резвилась и просто радовалась жизни, как персонаж среднего рода. И только грела себе закоулки души обманной надеждой — будет и у нас счастье и сердечная радость, найдём и мы, всему своё время. Спустя годы опомнилась — а нету! Так и не нашла. И пить тогда девчонкам со мной стало страшно — выпив, я страдала, ужасаясь чёрной дыре одиночества. А сейчас уже даже не страдается. И пить со мной — просто никак. Я и не пью теперь. Так, если что вкусное.

Вокруг весело. Подарочно. Празднично. Ой, полулысый толстячок машет мне и улыбается. Женечка, хозяйка заведения, гадкая, всё-таки его на меня науськала. Опять машет... Сейчас меня начнут с ним знакомить. Толстые обычно добрые. Может, ничего...

Вихрем пронеслось в голове: вот мы с ним обнимаемся (я при-

падаю к его мягкому тёплому пузу и с трудом подбираюсь к румяному личику), вот наша свадьба, вот... Следующее «вот» не придумывалось.

Пока потенциального кавалера кто-то отвлек, я заспешила от беседки подальше. Жалко, мало шашлыков нахватала. Ну да ладно.

Было тепло, день медленно кончался, вместе с солнцем утекая за горизонт.

За шпалерой обнаружилась славная лавочка. И никого. Отлично...

Мысль, что ткнулась мне в голову по пути от праздничного стола досюда, окончательно оглупляла мою жизнь. Предыдущую. И настоящую тогда, конечно. Мысль эту я ещё не додумала. А додумая — и тогда что?..

Да ладно, не важно. Важно другое — я вот много раз размышляла: ну что мешает некоторым людям быть нормальными? Что мешает состояться в жизни — не обязательно как творцу чего-нибудь там, типа композитора или создателя миллиардов денег, а просто так состояться, по-обычному? Просто размножиться — в конце концов?! Почему у меня за всю жизнь не было даже ни одной попытки этого? Почему я шла на поводу у своих сожителей, испуганных перспективой неплановых детей, и берегла их покой, используя все степени защиты от возникновения потомства? Раньше мне казалось, что — от большой любви и уважения к партнёрам. Чтобы их доверие не подорвать. А сейчас и не знаю, что думать. Но ведь у кого-то к моему возрасту уже имеется не по одной семье, растут дети, пусть иногда полуброшенные, заведённые по невнимательности или по глупости, но настоящие живые люди, потомки! Что мешает таким, как я, осуществить одну из самых примитивных человеческих функций? Может, мне просто не нужны дети и семья? Но тогда почему у меня нет к ним ненависти? И нет какой-нибудь там фанатической идеи, которая не остав-

ляет в голове и душе места ни для чего другого? У меня этого места навалом, но оно — пусто-пусто.

А размножиться-то надо. Раз я человеческая особь определённого пола. Ведь на чужих детей не нарадуешься, чужим домом не поживёшь. Всё должно было произойти вовремя. Глупо прожить жизнь, не исполнив такую простую функцию. Это как в игре (компьютерные игры-то всё-таки люди писали, то есть обычными человеческими мозгами разработчики до этого допетрили) — все данные у персонажа есть, но если он ими не воспользуется, то так и будет ходить по одному и тому же уровню. Вот я как раз так и хожу по жизни. Но что же надо, блин, сделать, что подобрать, по чему кликнуть?..

И причина-то безрезультатного хождения вот в чём. Вот какая мысль мне в голову пришла. Таким людям, как я, наверное, была уготована другая судьба: или воевать где-то, или делать что-то нужное, яркое, трудное. Но скоротечно так, недолго. Бодрыми молодыми силами, максималистической ещё душой. Сделал это самое дело — и погиб. Умер. Всё. А нам, таким вот временным людям, не удалось найти той самой дороги в жизни, по которой нужно было пойти, чтобы так оно и случилось. Мы, трусоватые, выбрали себе другую, чужую — спокойную и простую судьбу. Судьбу, предназначенную для людей основательных, «долгоиграющих». Мы ничего не совершили. Но выжили. А на нас-то не был рассчитан этот лимит, не была выделена «пара» — в виде жены-мужа. И набор остальных приложений, типа детей, дома, семейного уклада, — тоже не был предусмотрен. Вот такие, как я — а это и мужчины, и женщины, — и мотаются по жизни. Просто так. Ведь подобные индивиды (взять для примера ту же меня) эмоциональны и деятельны, а потому, из-за своей активности, попросту занимают чужое место, рассчитанное на того самого «долгоиграющего». Мы (и я приложила к тому руку), часто даже сами этого не подозревая, отбиваем партнёров у тех, кому они действительно предна-

значены. Своей деятельной душой мы жаждем счастья, боремся за него с жизнью, пытаемся изменить что-то в самих себе, чтобы быть этого счастья достойными. А результат нулевой. Ведь если нам высшими силами ничего не подготовлено, то и стараемся мы вхолостую... И только удивляемся: ну почему так? где же справедливость? разве я плохой человек? разве хуже того, того и вот этого? и почему же тогда я так одинок и неудачлив — а какой-нибудь Зачуха Занюхин женился, написал книжку-малышку, пополнил сберкнижку?..

А вот, оказывается, почему...

И потому-то всё моё копошение по жизни бессмысленно.

Так я сидела и думала. Вот оно как — когда на самом деле приплюсчивает. Ноги заледенели. И руки. И вообще — я как будто перестала их чувствовать.

Получается: или я лежу в беспросветной коме, без чувств и мыслей, или активно живу, ем-пью, работаю, стремлюсь к чему-то — результат всё равно один? Даже от моей благотворительной помощи людям пользы не будет — на эту помощь ведь никто не рассчитывал! Поздно — надо было раньше, в нежном юном возрасте проявлять героизм. А сейчас... Даже если, например, спасая от взрыва стратегически необходимый для государства мост, я буду держать зубами проводки бомбы, чтобы она не рванула во время прохождения по мосту суперважного поезда, — что-нибудь поменяется, поезд отправят по другому пути, скажем, в объезд, и в моих услугах нуждаться не будут...

Меня, в общем-то, получается, как и нету? Из-за этого нет радости моим родителям — они меня любят и такую, но их грустное ожидание моего счастья тоже превращается в пепел. Чистым разумом простых людей они не могут охватить зияющую бездну моего одиночества, безмужности, бездетности. Почему? — наверно, думают они. Что мы сделали не так, если именно наша дочь никому не пригодилась, не приглянулась, почему она несчастли-

ва? Пусть бы они жалели, например, меня — глупую мать-одиночку, но любили бы моего ребёнка, своего внука. И была бы эта горькая любовь радостной, понятной, то есть хоть с каким-то человеческим смыслом. А так... Стыдно мне перед родителями. Стыдно.

Есть люди, которые не боятся старости. Думаю, это как раз те, кто рассчитан на долгий век. Есть такие, кто просто гонит её от себя операциями, самовнушением и вкладами в искусство и культуру, делая своё имя бессмертным, а долгое существование обособанным. И есть те, кто этой самой старости боится — до воя и мозговых судорог. Как я, например. Потому что не сделано ещё ничего, не реализовано — но уже увядание, морщины и болезни подгребают! А недоиграно, недожито — и вообще... Взять вот тех же героев. Единственный выход для героя — это ранняя смерть. Сделал что-то, вспыхнул и погас. До чего же жалок такой тип в старости — ведь его по-прежнему сравнивают с ним ТЕМ, молодым, великим, сильным. А он нынешний — старый, дряхлый — вызывает лишь жалость. Потому-то герои до старости не доживают. В основном. Да и не только герои. Старая Мерилин Монро — это кошмар. Как-то я увидела попытку компьютерщиков по линиям лица и тела смоделировать то, как она могла бы выглядеть в семьдесят лет. Модна, блондиниста, кудрява. Но — противна... Некого ей было бы играть, мне кажется. Мать семейства в бусах и самом рейтинговом сериале — это не для неё. При всём моём уважении к матерям семейства. Кстати, а старички, прожившие простую человеческую жизнь, такого контраста с собою, молодыми, не составляют. Они как были бытовы и нормальны, так к старости и остались — адекватны. Не все, конечно. Нет правила без исключений. Но всё-таки...

А меня тянет в романтизм, но ничего из этого не получается: всю жизнь я боялась то недоучиться, то потерять работу или мужчину, на которого делала ставку, как на солнце, — по максимуму!

И ничего не получила, наверное, потому, что когда-то, сама не сообразив, спасая свою жопу и стараясь быть как все, я поползла в тихую человеческую жизнь. В которой до сих пор никак не пробыюсь. А надо было выбирать что-то остро романтическое. И давно помереть где-нибудь. С пользой. Может быть, и без вести. Но что-то сделал. Даже не для славы помереть, а для того, чтобы соответствовать своей, именно своей судьбе.

А вот сейчас?..

Может, остальные понимали это с самого начала своей жизни. А я вникла только что. Или я снова ошибаюсь?

Мысль билась во мне, кололась внутри черепа, трясла руки, долбила пульс в самом скоростном режиме. Смысла не будет. Давно истратился. Кончился.

Как же быть? Нормальные люди советуют в таких случаях честно признать поражение, продолжать жить и спокойно делать своё дело.

А какое у меня дело? Работать? Приносить своей деятельностью доход работодателю и на зарплату, что он платит мне, поддерживать своё дальнейшее существование? Копить деньги, тратить их на поездки в дальние страны — чтобы мир посмотреть, а также на одежду и косметику — чтоб себя показать? Да, а на что ещё? И этого уже вполне достаточно для осмысленной жизни члена общества потребителей.

Не нравится судьба обывателя — увольняйся, бросай всё и устраивайся в миссию Красного Креста, например, которая ездит по Африке и помогает тамошним несчастным. Ещё не поздно, наверняка возьмут.

Страшно. Кто заплатит за мою съёмную квартиру? Придётся отказать от неё. Куда деть мои пусть немногочисленные, но всё-таки вещи? Удастся ли после возвращения из Африки найти работу, которая хотя бы так же оплачивалась, как нынешняя, — или все карьерные наработки, а вместе с ними и возможность снос-

ной жизни будут окончательно утеряны? Вот это и называется — страшно.

Не страшно было тогда, лет пятнадцать назад. Вот в те годы и нужно было решаться на что-то кардинально-смелое. А теперь...

Я поднялась на ноги. На слабые, ледяные ноги (это летним ранним тёплым вечером!). Прошлась по дорожке. Жить, чёрт возьми, всё равно хотелось! Хорошо, что у меня не бывает суицидальных мыслей. Но как жить-то? С какой-то такой очевидностью мне стало понятно, что так, как было раньше, я наконец-то больше не могу...

А как могу?

И только устремилась по мозгам какая-то новая мысль — ещё совсем тощая, не обросшая смысловым мясом, как — ну что ты будешь делать! — мне навстречу вывернул из боковой аллеи недавний румяный пупсоид. И с мысли сбил.

Радостно подбежал ко мне, вытянув руки. Он со мной-таки познакомился, как, видимо, и планировал. Улизнуть не удалось — вслед за дяденькой по аллее торопилась большая-пребольшая компания. А по бывшему ясному небу неотвратимо двигалась грозная чёрная туча, несла нам ливень для полного счастья. Cumulonimbus — я даже вспомнила, как такие облака называются. За чем-то вот знала. Cumulonimbus... Красиво и грозно.

Но дело не в облаках.

Так что скоро я оказалась в доме, усаженная в кресло и окружённая всё той же зазорной компанией. Все пили, ели, смеялись, тормозили меня — правда, к счастью, без особого энтузиазма. Толстячок не оставлял попыток кокетничать, что-то спрашивал, улыбался. Женька сообщила мне, что жена и дочка толстячка где-то отдыхают, поэтому с ним можно смело...

Можно смело послать всех на фиг! Зачем Женька его на меня науськала? Чего хотела добиться?

... — Чтобы ты просто развлеклась! — извиняющимся, но в то

же время недовольным голосом проняла она. — Ну сколько же можно так сидеть?

— Да! Жизнь-то проходит! — вступила Анжелка. Которая тоже хотела, чтобы я развлекалась с временно одиноким пупсиком.

— Ну просто хоть поговори с ним! — шипела в ухо добрая мать здешнего семейства. — Он очень любит с умными разговаривать!

— Ну не сиди ты как пень, правда! — с другой стороны толкала Лариса, мать другого семейства.

Пусть бы сами с ним и развлекались...

Я заметалась. Ситуация была обычная: я капризничала, девчонки меня стыдили и уговаривали. Как будто я специально капризничая! Ну, в смысле...

Да, я так много лет капризничая, по вполне понятной (мне по крайней мере) причине. В конце концов я бы от них отбилась. Как отбивалась много-много раз, потому что все мужчинки, которых девчонки предлагали, были «не то».

И сейчас, разумеется, было это самое «не то», но подруги, видимо, разозлились серьёзно. Оттащив меня от центра веселья, они принялись увещевать.

Я почти не вникала в смысл их слов. Я ведь поняла сегодня про себя всю правду. И потому слушать Женю, Лару и Анжелу было невыносимо.

Видимо, всё. Аллес...

А тут ещё гости так весело смеялись — им что-то рассказывала молоденькая славная девчонка, чувствовала, что к ней приковано внимание, а потому была особенно очаровательна. Интересно, я тоже раньше такая была? А сейчас какая? Какая????!!!!

Люди снова засмеялись.

Жизнь шла. Но как-то без меня.

... — Ты смотри на вещи легко!

— Попробуй просто с ним расслабиться! Просто получи удо-

вольствие. Подумаешь — пузо! С пузатыми, между прочим, очень удобно и мягко. Попробуй! И после этого скажи ему «до свидания».

— Ты же нравишься мужчинам. Видишь, как он на тебя тарашится...

— Неужели тебе не скучно жить?

— Я бы так не смогла! Я бы чокнулась.

— Попробуй, пообщайся с ним. Тебе что, трудно? А раз ты по-серьёзному хочешь, так вдруг ты ему так понравишься, что он...

— Да! Свою жену бросит — и на тебе женится! Главное начать — и процесс, сама знаешь, пойдёт...

Девчонки хотели, чтобы у меня всё было хорошо. Они старались, как могли. Я мазохистски отнекивалась — уверена, им казалось, что это я нарочно, чтобы побольше пострадать и чтобы они меня пожалели. Но я-то знаю, что не смогу ни так, как предлагает Женька, ни как Анжелка! Ни «расслабиться», ни отбить у жены. Да и не хочу. Я хочу по-другому. А — не получается...

Это значит всё. Надо сдаваться. И честно переходить в женщины среднего рода. Но только чтобы честно — в смысле чтобы дальше жить себе спокойно без тоски и надежд на что-то. Много ведь таких одиноких дам на свете. В монастырях, которые они себе организовали — каждая свой, по месту жительства и работы. И даже радуются этому. И мне тоже так надо.

Спокойно...

Битва за мужчин проиграна. Да. Сдаюсь.

— Всё, поднимайся, улыбнись...

— Пойдём вина выпьем...

Голова моя готова была лопнуть. Разорваться. Или душа — если выразаться пафосно. Может, лучше бы они и лопнули — ну хоть что-нибудь бы тогда изменилось. Хотя как тогда с ними жить — с лопнувшими?

Наверное, там, на улице, гроза прошла. А может, и нет — но

мне нестерпимо захотелось выбежать вон из дома. Даже не просто из дома — а бежать от всех и от самой себя, мчаться, лететь! Как можно быстрее и подальше, куда подальше! Я дёрнулась к двери. Но рядом с ней стоял приветливый, ни в чём не повинный временно одинокий толстяк, который не соответствовал тому, каким я хотела бы видеть своего мужчину. Стоял, махал мне лапкой и даже зазывно улыбался.

Подруги бдели — а потому рванули за мной. Я, резко сменив направление, от двери помчалась в другую сторону. В комнату, в свою славную комнату на самый-самый верх! Там балкон, простор, воздух, наполненный постгрозовым озоном, там здорово! Закроюсь и буду сидеть, дышать, смотреть на лес. Ну не могу больше...

Я скакала по ступенькам. Девчонки с воплями мчались за мной. И чем громче они кричали мне какие-то позитивные слова, тем быстрее мне хотелось бежать. Я уже и сама не могла понять, почему так остервенело я от них несусь. Да не от них я — от себя. Бред, конечно...

Но я не останавливалась. Я плакала, разбрызгивая, казалось мне, здоровенные слезищи по стенам. Меня преследовала та правильная жизнь, к которой я так и не смогла пристроиться. Она мчалась, стуча каблуками туфелек и босоножек (Анжелка с Женькой), тяжело, но всё же пружиня кроссовками (молодая мать Лариска была женщина здоровенная). Мчалась эта самая жизнь, хотела мне что-то доказать. Но ничего я всё равно в ней не соображаю. Девчонки зря неслись вслед за мной. Старались они зря.

А я бежала. Вот дверь. Я в комнате. Бамс! Дверь захлопнулась. Щёлк! — кажется, я заперлась на замок. Но нет... Пу-бум! — навалились мои подружницы на дверцу втроём. Дохлый декоративный замочек вырвался вместе с шурупами. Дверь распахнулась.

Я бросилась к балкону. Там отличные стеклопакеты, дверь от-

крывается внутрь комнаты, и девчонкам её не взять. Закроюсь там.

Да что же это такое? Когда же я запомню, что из двери вниз, на самую балконную площадку, ведут ступеньки?! И сейчас они на ремонте: разобраны и прикрыты куском целлофана. Типа тут уголок Италии будет. Пока же надо сначала идти вбок, по узкому бордюру вдоль стены, а затем, наступив на край клумбы, спускаться на сам балкон. Но не ломиться напрямую! Ведь с утра я так и делала. А тут...

В долю секунды подумав об этом, я, не успев остановить свой бег, прыгнула на мокрый целлофан. Нога моя скользнула. И с высоты где-то полутора метров (такой была ныне разобранная лестница из восьми ступенек) я всей тушей грохнулась вниз, на каменные плиты широкого балкона...

Удар был такой силы, что мне показалось, все мои кости помешались местами. А внутренности или разбились в лепёшку, или... Или это всё, я померла.

Но жить-то по-прежнему очень зачем-то хотелось.

И, несмотря на общую бессмысленность жизни, только что выясненную мной, я поднялась, сделала широкий взмах и, оттолкнувшись от пола, полетела!

Не вниз, я полетела вперёд и вверх! Быть этого не могло никак, но я летела. Летела. Просто летела. Сама, взмахивая руками, вместо которых у меня были — я тут же всё осмотрела — настоящие крылья, причём огромные и сильные. И это была я, а не душа, которая отделилась от тела и устремилась к небесам — хоть и лететь мне почему-то хотелось как можно выше в этом влажном, чистом, свежем и как там о нём можно было ещё сказать — безбрежном невесомом воздухе!!! Я это была, я — потому что мёртвые души контактных линз не носят, а у меня в левом глазу сошла с орбиты линза. Я её не потеряла, нет — она торчала где-то под веком, из-за этого глаз кололо и резало. К тому же я виде-

ла краешек своего носа. А вытягивая губы в трубочку, могла наблюдать и их. Физиономия, стало быть, моя. Но крылья! Но лапы — то какие когтистые! А там ещё и хвост с мощными перьями. Очень, между прочим, удобный такой хвостяра, мои аэродинамические усилия без него наверняка были бы хуже. Впрочем, откуда я знаю, может, и нет...

Я оглянулась. Просто оглянулась, чуть склонив голову. Закрыв левый глаз, я тщательно навела резкость правого. Было видно, что на балконе осталась кучка моей одежды. Да. Плюс босоножки. И плюс девчонки, которые свешивались с перил, заглядывали за роскошную цветочную клумбу, под столик и кресла. Но никто, никто из них не догадывался искать меня в небе! Интересно, что они думают: что я убежала, прыгнув с балкона? Нет... наверное, раз меня в виде лепёшки они не обнаружили внизу (а там меня и быть не могло), Женька, Лариска и Анжела решили, мне кажется, что я полезла по водосточной трубе. Но почему тогда разделась? Об этом, наверное, спрашивала всех Женька, потряхивая моими джинсами, бельём и майкой. Думают, что я сошла с ума. И исчезла. Думают-гадают, ничего не понимают.

Да и я, собственно, тоже...

Ха, одежда осталась там, а заколка, линзы и серьги на мне. Странненько...

Что случилось?

Так, не тот вопрос. Главное — лечу!

Ощущение глобального счастья не исчезало. Оно, я это чувствовала, усиливалось с каждым взмахом крыльев, с каждым метром высоты, что я набирала. Оно росло в моей душе, оно было воздухом, которым я дышала и который рывками обдавал мне лицо. Счастье, счастье-е-е! Меня даже подташнивало от восторга.

Я летела над лесом. Даже с этой высоты — а я набрала уже метров сто пятьдесят, не меньше, — деревья были видны каждое по отдельности — от вершины до самого места, которым они во-

ткнуты в землю. В смысле, чем они из неё растут. Значит, это, наверное, не очень густой, жидковатый лес. Или они обычно всегда такие?

А вообще, это было неважно. Я летела! Сама, одна. Летела всем телом, летела, прилагая настоящие мышечные усилия, — и легко мне так летелось, здорово! Это была не эйфория даже, а что-то ещё большее. Такого счастья — АБСОЛЮТНОГО, лучше не скажешь, я не испытывала никогда!!! В безоблачном небе светило солнце, блестели листья, промытые ливнем, мерцала трава на нереально зелёном лугу. Нет, на поле — это что-то там на нём только что взошло, может, трава на корм скоту, а может, какой-нибудь злак. И не было у меня никаких проблем, никаких неудач. Я о них попыталась подумать. Но не смогла. Как замкнуло что-то в голове. Всё было просто чудесно. Спасибо тебе, Господи! — радостно думала я, как можно шире и мощнее взмахивая крыльями и направляясь в небо почти вертикально. И это тоже было чудесно! Трудно — так, что напрягалось всё тело, до самой последней жилочки. Но летело, тело летело!

Счастье не покидало меня. Случись со мной что-нибудь другое — я бы обязательно обдумала всё, что теперь меня ждёт: что плохого и что хорошего. Может быть, пожалела бы о том, что случилось именно так, а не как-нибудь ещё. Но такого подарка, такого волшебства я не ожидала... Нет, не волшебства, волшебство — это мимо. Тогда чего — чудесного вознаграждения? За что меня наградили? И почему именно меня? Я лучшая из человечества — если мечта подняться в небо осуществилась именно на моём примере? Поэтому у меня не было мужа и семейного счастья? Да? Поэтому?

Да ну, какая же я лучшая из человечества! Может, все люди сейчас тоже летают? Или в кого-нибудь другого превратились? В хомячков каких-нибудь, овец и леопардов?

Снижаясь, я внимательно смотрела вниз. Видела блестящие

светлым металлом крыши большого, размазанного по земле дачного посёлка, увидела какую-то вышку, трассу, лес-лес-лес, ещё скопище блистающих крыш. Люди малюсенькими точками передвигались возле строений. Или это не люди? А кто, многочисленные собаки, что ли? Я снизилась ещё, чтобы наверняка рассмотреть. Люди, конечно.

Я вновь стала набирать высоту. Ой — вижу железную дорогу! Поезд мчится. Как игрушечный. Далеко, но явно быстро. Не сам же по себе — машинист этот поезд вёл! И наверняка в человеческом облике, вряд ли в виде какой-нибудь лисы или страуса можно поездом управлять.

Линза в левом глазу — та, что так и не встала на своё место после моего чудесного превращения во что-то летающее, — всё больше меня мучила. Она давила на глазное яблоко — там, глубоко под веком. Так что смотрела я на мир одним глазом, прищуривая левого бедного страдальца. И это был единственный дисконформ — всё же остальное моё существо чувствовало себя прекрасно!

В совершеннейшем упоении я летела вдоль железной дороги, а дождавись электрички, бросилась с нею наперегонки. Длинная зелёная колбаса быстро разогналась и оставила меня далеко позади. Правда, не сразу. Я мчалась изо всех сил и минут пять шла вровень с её головным вагоном. Интересно, сколько километров в час у неё скорость? И сколько тогда у меня?

Я летала до темноты, летала в темноте. Медленно гас закат, вставали на дежурство звёзды, выплыла луна — почти целая. Такой хороший небесный фонарь.

Теперь стало понятно, где Москва, до этого я всё никак не могла определить её, принимая за Москву небольшие городки и посёлки, пролететь над которыми удавалось не более чем за пять-